

ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА БЫТИЯ И МЫШЛЕНИЯ В АРИСТОТЕЛЕВСКИХ ШТУДИЯХ В.Н. БОРИСОВА (ЧАСТЬ II)¹

А.Н. Огнев^{**}

*ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королёва», г. Самара
E-mail: alexandrnikognev@gmail.com*

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению онтогносеологических оснований кризиса исторической референции. Показана внутренняя понятийная динамика «субъекта истории» в контексте философских концепций Просвещения, немецкой классики, а также последующих концептуальных рецепций. Предложена системная версия семиозиса исторического субъекта в качестве инвариантной теоретической структуры. Основной акцент исследования сделан на импликациях марксистской концепции советского философа М.А. Лифшица. К рассмотрению предложены содержательные фазы кризиса исторической референции.*

Ключевые слова: *онтогносеология, бытие, мышление, опосредствование, идеация, тип, конкретный историзм, историческая референция, кризис, абстракция.*

Философия истории в эпоху немецкой классики сформулировала со всей остротой мировоззренческого обобщения тезис о необратимости истории как реального процесса, предполагающего тем не менее обратимость идеальную. Примечательно, что в природных процессах это отношение мыслилось противоположным. Ф.В.Й. Шеллинг и Г.В.Ф. Гегель исходили из разных систем, но пришли к заключению, позволяющему осуществить последовательное категориальное разграничение природных и исторических процессов. На первый взгляд может показаться, что проблема субъекта истории выглядит разрешимой в свете этой теоретической дистинкции, задающей необходимое, но недостаточное условие для выявления собственных признаков историчности субъекта. Однако уже в младогегельянстве обнаруживается симптом предрешения недостающих оснований: у А. Руге гарантом историчности является политически-ангажированный активизм, у Б. Бауэра адекватность субъекта его собственной истории требует революционно-критического подкрепления мышлением, выводящим из границ фактической данности сущего, у Л. Фейербаха исторический субъект выступает носителем религиозных предикатов, status quo которых должен перестать быть абстракцией и состояться в качестве естественной полноты родовой жизни, у М. Штирнера исторический субъект оказывается вовлеченным в реализацию идеи, которую необходимо номиналистически свести к акvizитам собственности в ключе радикального индивидуализма. Вышеназванные концепции были одновременно опциональными интерпретативными комплексами классики (адаптирующими ее к реалиям наступившего Века Прогресса) и пробными прецедентами ревизии дистинкции, задающей

¹ ОГНЕВ Александр Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С. П. Королёва», г. Самара

^{**} Статья представляет собой расширенный вариант выступления на конференции «Междисциплинарные исследования: сущность и перспективы развития» (Борисовские чтения) (Самара, ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», 27–28 сентября 2019 г.).

критериальные нормы для историчности субъекта. «Заземление» исторического субъекта, произведенное марксизмом, предполагало практическую секуляризацию понятийного состава отношения собственности, развоплощение предикатов родовой жизни в фазы производства и потребления, сведение самосознания в фазу острого кризиса сущего, а также политизацию наличного состояния дел ради сведения сущности к элементарным сторонам явления. Предполагалось, что на этом пути исторический субъект отринет спиритуалистические мистерии классики и обретет непререкаемую реальность, выразимую посредством естественно-исторических законов, что, однако, требовало упразднение антагонизма между историей и природой «снизу». Так возникла утопия радикальной посясторонности обобществившегося человечества, которая должна положить конец «предыстории», создав субъект, всецело свободный как от превращенных форм собственного генезиса, так и от активности самосознания. В исторических материалах К. Маркса и Ф. Энгельса эта сложная задача преподносилась как отражение реальных противоречий общественного бытия, формализуемая в соответствии со схемой, придающей историческому процессу как единообразие, так и предсказуемость. Проблема же состояла в том, что такое понимание субъекта истории, будучи идеологически востребованным по показаниям ценностных ожиданий Века Прогресса, вступало в противоречие с надклассовой сущностью истины, а также с порядком детерминаций, который, будучи всецело объективным, не допускал никакого преждевременного устранения формационной антагонистической коллизии. За этими парадоксами стояло латентное отрицание специфики исторической необратимости, заявляющее о себе в рассмотренных фазах материалистического «заземления» развенчанного гегелевского Мирового Духа. Этот формат мнимой середины предполагал скачок (saltus, Sprung) в «снятие», принципиально не подлежащее идеации.

Своеобразной реакцией на онтологизацию семиотических реквизитов субъекта истории можно считать позицию Баденской школы неокантианства с ее решительным разделением номотетики естествознания (Naturwissenschaften) и историзмом наук о духе (Geisteswissenschaften). Г. Риккерт допускал, что «логически невозможно формулировать общий закон культурного развития» [1, с. 445] и ожидать общезначимых результатов от его интерпретативного применения, но от констатации мыслимости логической нормы рефлексии нет прямого пути к реальной витализации субъекта истории на основании номотетики естественных законов, рассчитанных не на норму долженствования, а на детерминацию в области сущего. В посткритическом иррационализме реакция на онтологизацию семиозиса исторического субъекта протекала не в методологическом формате, как это было у баденских неокантианцев, а в ключе воинствующего антиисторизма мифологемы пресловутого «вечного возвращения» и нашла свое завершение в эпатажном эскапизме ницшеанского бестиализма. Во всякой реакции вообще истина опротестовывается антиисторическими средствами, но с расчетом на возможность контристорической инициативы. В саморазрушительной духовной патологии ницшеанства эта тенденция выражается в гротескных формах, что не отменяет ее систематичности для общего контекста кризиса исторической референции, на что указывает В.Т. Фаритов: «утратившие жизненную значимость формы моральных оценок не спешат перейти в небытие, но упорно держатся за жизнь, всеми средствами ведут борьбу за свое право на существование – вопреки тому, что такого права у них уже нет» [2, с. 208]. Кризис исторической референции семиозиса субъекта обнаруживает дефицит легитимности исторических санкций, когда некогда значимые

дистинкции по оппозиции моральности и легальности утрачивают свою значимость, обнажая иррациональность своего естественно-исторического генезиса, несовместимую с нормативистской установкой на сверхценный смысл. В условиях кризиса исторической референции субъект истории обречен на депрагматизацию предпосылок собственной легальности, ибо, как свидетельствует Б. Кроче, «прагматика, как мы убеждаемся, не способна оставаться в границах человеческого, то есть сохранять рациональность» [3, с. 60]. Это признание, совершенное с позиций абсолютного историцизма, достаточно для постановки проблемы кризиса исторической референции, но не для ее разрешения. С точки зрения диалектического актуализма Дж. Джентиле, условием такой гипотетической разрешимости должна стать «объективность перехода от абстрактного логоса к конкретному» [4, с. 355].

Вопрос об объективности перехода предстает в дальнейшем в режиме проблематизации транзитивности бытия и мышления, жизни и мысли, суггестии и рефлексии. Исторична *sensu stricto et proprio* объективация субъекта как содержания, формализуемого на основании как онтологических, так и гносеологических оппозиций. Отсутствие в этой объективации взаимно-однозначного соответствия выявляет кризисную тенденцию в семиозисе исторического субъекта, вследствие которой форматив объективации оказывается фикцией «мнимой середины», допускающей только абстрактный семиотический обмен, а не реальное опосредствование. С позиций исторической мифологии О. Шпенглера эта коллизия оказывается неизбежным собственным признаком историчности: «вне зависимости от того, рожден ли человек для жизни или для мышления, раз он действует или наблюдает – он бодрствует, и в качестве бодрствующего он постоянно «в фокусе», а именно настроен на тот смысл, которым обладает для него светомир в данный миг» [5, с. 23]. В морфологии истории оппозиция бытия и мышления выносится за скобки как метафизический вопрос, который переживается иначе, чем мыслится. Кризис исторической референции приобретает косвенные революционные черты и легендируется в них как интегрированная операциональная объективация «человечества», требующая своего действительного содержания вне конечных форм, известных на основании дистинкций бытия и мышления в их обособленной интранзитивности. Э. Юнгер утверждает: «Революционным оказывается новое человечество, выступающее как тип» [6, с. 291]. Переход семиозиса исторического субъекта в режим типологических решений неизбежен как фаза, предшествующая вызреванию полноценной реальности, о которой извне можно судить только по эксцессам процессуальной конкретики тотальной мобилизации, осуществляемой именем этой реальности. Развивая основную мысль реальной исторической типологии Э. Юнгера, Ю. Эвола пришел к выводу о том, что «тип и все им создаваемое должны вывести нас за пределы как индивидуализма, так и коллективизма» [7, с. 140], настаивая на том, что юнгеровская тотальная мобилизация (*totale Mobilmachung*) исторична в надличностном, а не в субличностном смысле, что в абстрактных моментах противоречит юнгеровской концепции «титанизма». Этот остаток упования на трансценденцию у Ю. Эволы можно трактовать как указание на его собственный антиисторизм, легендируемый в его традиционалистской доктрине идеологически. Такое мышление не критично, а всего лишь детерминировано кризисом исторической референции, ибо его субъект оказывается тривиальной фикцией

ретроспекции, выдаваемой за недостижимый анамнезис, ибо его целью оказывается не «тип», а идея, релевантная для кризисной стигматизации этого «типа».

Раскрытие логики и выявление внутреннего смысла всех этих процессов, сопровождающих кризис исторической референции субъекта на правах интеллектуализированного эпифеноменального избытка обратных связей, функционально идентичного превращенной идеологической форме, осуществляется в онтогносеологии М.А. Лифшица. Исходя из принципа конкретного историзма, М.А. Лифшиц трактовал понятие истинной середины, находящейся в фокусе диалектического опосредствования единства бытия и мышления как «идентифицирующее состояние», в котором деятельный характер субъекта образует материальное а priori реализма типологических детерминаций, обладающих разрешающей силой для идеаций, допускающих актуализацию единственного для данной эпохи в ее исторической определенности практического ценностного смысла. Баденские неокантианцы, посткритические иррационалисты и адепты исторической морфологии решительно боролись с абстрактным историзмом, игнорируя то обстоятельство, что абстракция возникает в семиозисе исторического субъекта как фактор конечности формата исторической идентичности, утратившей когерентность своего жизненного мира. М.А. Лифшиц учил: «Характерная особенность абстракции – она представляет собой тождество с мертвой материей, слияние с ней» [8, с. 78]. Суть в том, что отражение меры допустимой объективируемой конфлюэнции субъекта истории с этой абстракцией зиждется на обратной зависимости детерминаций, идеируемых в объективном качестве. Нужно знать, что именно в данную эпоху образует материальную основу типологически-релевантных актов исторического самосознания, чтобы судить о том, на какие именно логические обращения, превращения и противопоставления предикату способен исторический субъект *hic et nunc*. И если верно, что кризис исторической референции дает импульс к воспроизведению перверсивных форм исторической субъективности, замыкающихся в автаркических формализмах мнимого идеологического опосредствования в актах трансцендентальной подтасовки оснований «вечного возвращения», то происходит это в силу того, что в ситуации кризиса исторической референции субъект принимает за аквизиты своей функциональной полноты реквизиты объективированной абстрактной целостности. Вот почему, согласно М.А. Лифшицу, «тотальность плохо выражает суть дела» [9, с. 126], поскольку она только отражает меру зависимости субъекта от факторов его генезиса. В этом коррективе М.А. Лифшица к концепции Г. Лукача заключен методологический потенциал, принципиально не реализуемый ни в догматическом, ни в критическом марксизме. Исходя из универсальности реального, М.А. Лифшиц видит рецидив мнимой трансценденции в гуманитарной апологетике пафоса отлаженных исторических решений: «Снисходительная, гуманная ссылка на исторические условия былых времен ставит нас в более благородное положение, не всегда заслуженное, но не решает вопрос до конца» [10, с. 191]. Из этого мнимого самовозвышения рассудочных фикций рождаются и исторические перверсии постмодернизма, в которых кризис исторической референции, переходя в хроническую фазу, приводит к радикальной декомпенсации семиозиса исторического субъекта, находясь в которой можно согласиться с Т. Слотердайком:

«Скверный опыт отстывает под напором новых обстоятельств. Никакая история не старит тебя» [11, с. 581].

В настоящее время онтогносеологическая проблема кризиса исторической референции получает семиотическое исполнение, относительно которого следует согласиться с А.Э. Бахметьевым: «Гипотеза опирается на несомненные факты, которые обеспечивает интуиция» [12, с. 8]. Последняя же в порядке каузальной атрибуции закрепляется за наличным субъектом истории. В рамках семиотики она прочитывается как рассудочное правило знаковой фикции и, согласно А.Ю. Нестерову, «содержательно задает самодетерминацию семиосферы и тем самым – направление развития человека» [13, с. 88]. В этой ситуации проблема кризиса исторической референции оказывается, согласно И.В. Дёмину, указателем на то, «какие именно границы являются конститутивными для человеческого бытия» [14, с. 243]. Именно в них принцип конкретного историзма может быть реализован с соблюдением презумпции аутентичности, что позволяет сделать следующие выводы:

1. Кризис исторической референции складывается на основе семиозиса субъекта истории, в границах которой единство бытия и мышления характеризуется семантической полнотой, когерентным опосредствованием и предельностью идеации в дефинитивном отношении.

2. Кризис исторической референции заявляет о себе через идеалистическую неразличимость антиисторических и контристорических инициатив, получающую идеологические санкции ради сохранения эскапистского смысла мнимой мировоззренческой трансценденции.

3. В своих хронических фазах кризис исторической референции предстает в облици: а) авторитета сверхценной идеи; б) негативистского ресентимента реакции; в) солидарности как актуализации типологических оснований.

4. В фазах кризиса объективируется мера абстрактности идентифицирующего состояния субъекта по отношению к материальным атрибутам его реальной исторической идентичности.

5. Ни одна из исторических экспозиций кризиса исторической референции не заключает в себе дефинитивных показаний к его снятию.

Принимая перечисленные проблематизмы в качестве узловых моментов рефлексии по поводу меры конкретности исторической идентичности, человеческий разум утверждает онтогносеологию в статусе содержательной дисциплины, требующей эссенциалистских теоретических презумпций.

Список литературы

1. *Риккерт Г.* Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. – СПб.: Наука, 1997. – 536 с.
2. *Фаритов В.Т.* Онтология трансгрессии: Г.В.Ф. Гегель и Ф. Ницше у истоков новой философской парадигмы (из истории метафизических учений). – СПб.: Алетейя, 2017. – 442 с.
3. *Кроче Б.* Теория и история историографии. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 192 с.
4. *Джентиле Дж.* Введение в философию. – СПб.: Алетейя, 2000. – 470 с.

5. Шпенглер О. Закат Европы. Очерк морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. – М.: Мысль, 1998. – 606 с.
6. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли. – СПб.: Наука, 200. – 539 с.
7. Эвола Ю. «Рабочий» в творчестве Эрнста Юнгера. – СПб.: Владимир Даль, 2005. – 192 с.
8. Лифшиц М.А. *Varia*. – М.: Грюндриссе, 2010. – 172 с.
9. Лифшиц М.А. Что такое классика? Онтогносеология. Смысл мира. «Истинная середина». – М.: Искусство XXI век, 2004. – 512 с.
10. Лифшиц М.А. Проблема Достоевского (Разговор с чертом). – М.: Академический проект – Культура, 2013. – 267 с.
11. Слотердайк П. Критика цинического разума. – Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2001. – 584 с.
12. Бахметьев А.Э. Онтогносеологические основания интуиции как формы познания: интуитивная спецификация гипотезы // Аспирантский вестник Поволжья. – 2017. – № 7–8. – С. 4–9.
13. Нестеров А.Ю. Семиотические основания техники и технического сознания. – Самара: Самар. гуманитар. акад., 2017. – 155 с.
14. Дёмин И.В. Семиотика истории и герменевтика исторического опыта. – Самара: Самар. гуманитар. акад., 2017. – 273 с.

THE PROBLEM OF THE UNITY OF BEING AND THINKING IN ARISTOTELIAN STUDIES OF V.N. BORISOV (PART II)

*Ognev A.N. **

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara

E-mail: alexandrnikognev@gmail.com

Abstract. *The article is devoted to the consideration of the ontognoseological foundations of the crisis of historical reference. It shows the internal conceptual dynamics of the “subject of history” in the context of philosophical concepts, as well as scientific conceptual receptions. The proposed systemic version of the semiosis of a historical subject as an invariant theoretical structure. The main emphasis of the research is on the implications of the Marxist concept of the Soviet philosopher M. A. Lifshits. Substantial phases of the crisis of historical reference are proposed for consideration.*

Keywords: *ontognoseology, being, thinking, mediation, ideation, type, concrete historicism, historical reference, crisis, abstraction.*

*OGNEV Alexander Nikolaevich – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University Acad. S.P. Koroleva, Samara